

А.О. Степнов, С.А. Некрылов, С.Ф. Фоминых

ЭТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КОРПОРАЦИИ Г. ТОМСКА НА ПРИМЕРЕ КОНФЛИКТА НА ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВЕСНОЙ–ЛЕТОМ 1917 г.

*Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России
(проект № 33.1687.2017/4.6).*

На материалах архивной документации, периодической печати и источников личного происхождения реконструируется конфликт профессоров юридического факультета Томского университета весной–летом 1917 г. Делается вывод, что в основе своей конфликт имел не столько академическую, сколько личную и материальную подоплеку. Это позволило воссоздать моральную атмосферу в университетском сообществе тех лет. Статья завершает цикл из трех публикаций («Повседневная жизнь университетского сообщества г. Томска в период революционных событий 1917 г.», «Русская революция 1917 г. и Томский университет в воспоминаниях Л.В. Арнольдова»), посвященных Томскому университету в период Революции 1917 г.

Ключевые слова: Томский университет; профессора; студенты; конфликт; этика взаимоотношений; Русская революция 1917 г.

Летом 1917 г. профессор Томского университета П.И. Лященко оставил должность в вузе и перевелся в Варшавский (Донской) университет. Так закончилась его деятельность в первом сибирском университете, с которым было связано почти 4 года его жизни и творческой биографии.

Выпускник Санкт-Петербургского университета, он еще до приезда в Томск составил себе имя в науке: в 1910 г. защитил магистерскую диссертацию в Юрьевском университете, печатался в крупных российских экономических журналах («Русское экономическое обозрение», «Вестник кооперации» и др.). П.И. Лященко приобрел известность как специалист в области хлебной торговли и аграрной экономики в целом. Именно этой тематике были посвящены его магистерская («Очерки аграрной эволюции в России») и докторская (Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика) диссертации. Последнюю он защитил в 1914 г. в Харьковском университете с присуждением степени доктора политической экономии и статистики. С 1 июня 1915 г. его избрали ординарным профессором по кафедре политической экономии и статистики Императорского Томского университета.

За годы работы в Томском университете П.И. Лященко совместно с профессором Г.Г. Тельбергом составил программу спецкурсов для студентов V–VI семестров юридического факультета по экономике, местному суду и праву в Сибири, возглавлял Западно-Сибирское научное общество сельского хозяйства, был одним из организаторов сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Томской губернии, редактировал (1916–1917 гг.) «Известия Томского университета» [1. С. 157–158].

Одно время (в июне 1916 г.) он исполнял обязанности ректора университета, а в 1915–1917 гг. занимал должность декана юридического факультета. На этом посту Лященко столкнулся с рядом трудностей, которые были связаны «с разрухой факультетского дела» [2. 1917. 23 апр.]. Юридический факультет, открытый в Императорском Томском университете в

1898 г., на момент рассматриваемых событий действительно находился в непростом положении.

По свидетельству профессора кафедры полицейского права Н.Я. Новомбергского, на факультете более 10 лет были свободны две кафедры римского права и кафедра гражданского процесса, более 5 лет – кафедра гражданского права. Освобождавшиеся кафедры (как это было после перехода в 1912 г. в Санкт-Петербургский университет профессора кафедры уголовного права и уголовного судопроизводства Н.Н. Розина) замещались профессорами, нередко имевшими иные специальности. Низкая мобильность профессорско-преподавательского состава факультета объяснялась как неблагоприятными условиями службы в Сибири, связанными с климатом и отдаленностью от европейских центров, так и общим дефицитом докторов наук в области права в вузах России. Штат факультета, таким образом, на протяжении длительного времени требовал пополнения. «Самый фундамент юридического образования рассыпался» [2. 1917. 23 апр.], – резюмировал по поводу сложившейся ситуации Н.Я. Новомбергский.

Профессор Лященко, будучи деканом, «проявил большую энергию» по обновлению и своего рода санации факультетской жизни. Однако в ходе этого ему пришлось столкнуться с противодействием старейших профессоров факультета, у которых, по всей видимости, было свое особое видение путей такого обновления. В определенный момент скрытое противостояние вылилось в публичный конфликт. В него оказались вовлечены профессора как Томского университета, так и Томского технологического института, преподаватели, а также студенчество вуза. Сугубо университетские проблемы стали достоянием общестественности, поскольку участники этого конфликта прибегали к открытым письмам, публиковавшимся на страницах «Сибирской жизни». Именно эта «факультетская борьба» стала причиной того, что П.И. Лященко в марте 1917 г. сложил с себя обязанности декана, а летом, как уже было сказано, и вовсе покинул Томск.

Отметим, что конфликтология академической среды дореволюционной России уже находила отражение в ряде исследовательских работ. Они посвящены как конфликтам профессоров с правительством по поводу проводимой в области высшей школы политики [3], так и непосредственно научными и личностными социальными коллизиями среди профессоров и преподавателей. В одной из статей по данной тематике выведена типология академических конфликтов, в основном на примерах из истории академических сообществ столичных университетов (Санкт-Петербургского и Московского) второй половины XIX – начала XX в. [4].

Исследуемый же нами в настоящей статье конфликт пришелся на 1917 г., когда в стране происходили революционные процессы, затронувшие и высшую школу.

Томск в начале марта 1917 г. с одобрением и ликованием встретил вести из Петрограда о случившейся революции (тогда ее, впрочем, нередко называли переворотом). Город, живший до этого в естественном для провинциального антуража патриархальном спокойствии, открыл двери своих домов, заполнил улицы и площади толпами городских обывателей. В предыдущих статьях, также посвященных Томскому университету в революционном 1917 г., уже освещалась реакция на происходившее со стороны университетского сообщества и населения города в целом. Отметим, что аналогичные тенденции проявились в других вузовских центрах страны, например, в Петроградском (Санкт-Петербургском) университете. Его Ученый совет, так же как и Совет Томского университета, «с началом революции выступил с заявлением о поддержке нового правительства и политических перемен» [5. С. 726–727].

Дальнейшие события в Томске характеризовались резким подъемом общественной жизни, политической активизацией его различных социальных групп, среди которых значительное место занимали представители академической корпорации города, и самая активная его часть – студенчество.

Обратимся к дневниковым записям одного из них – студента горного отделения Томского технологического института П.А. Леонова. В них он запечатлел день 10 марта, когда в Томске «очень оживленно и с большим подъемом» состоялось первое общегосударственное торжество революционной России – так называемый Праздник Свободы. С утра на Соборной площади готовился парад расквартированных в городе полков. Туда со всех концов города стекались люди. У большинства из них в знак солидарности с революцией были красные ленточки, а солдаты оборачивали ими кокарды. Здания жилых домов и учреждений увешивались багряными флагами. Оркестры играли «Марсельезу». Парад длился 5 часов. В нем приняли участие около 70 тыс. солдат. Вот что Леонов писал о них: «Революционная армия! Оплот Временного комитета! Солдаты шли, и трудно было определить их настроение. Бросилось в глаза довольное настроение некоторых войск, обращала внимание радость, истинная радость тех рот, которые первые пошли защищать Временный комитет» [6. Л. 109 об.–110].

Вечером, прогуливаясь по ул. Почтамтской, студенту бросилась в глаза вечерняя иллюминация,

«особенно красиво» оформленная во Второвском пассаже. В его окне ярко горела надпись, буквы которой были сделаны красными лампочками, – «Свобода» [Там же. Л. 111 об.].

Настроения и чувства тех дней были близки к тому, что позднее в творчестве Бунина метафорически было выражено словосочетанием «солнечный удар». «Я начинал чувствовать радость великого счастья, – писал тот же П. Леонов, – и чуть было не заплакал, но сдержался. Потом опять наступило состояние, словно я находился во сне» [6. Л. 108–108 об.].

Революционная эйфория завоевывала город, не обходя стороной и Томский университет. Мерцающая красным светом «свобода» стала важным фактором, определяющим университетскую жизнь. В 1917 г. университет получил автономию. Профессурой и студенчеством она воспринималась как одно из ключевых революционных завоеваний. Отсюда вытекал и резко снизившийся контроль со стороны государства за жизнью вуза. Утратил свое влияние попечитель Западно-Сибирского учебного округа. Напомним, что эта должность была окончательно упразднена осенью 1917 г. Ректор университета профессор-гинеколог И.Н. Грамматикати был болен. В марте он оставил эту должность. Некоторое время и.о. ректора был профессор В.Н. Саввин, затем был назначен (фактически занимал эту должность с мая) В.В. Сапожников.

В это время в стенах университета организованное студенчество, значительная часть которого была занята политической деятельностью (шла подготовка к выборам в местную Думу), начало борьбу за отмену промежуточных весенних экзаменов (минимумов). Позднее студенческим старостам и союзом младших преподавателей Томского университета были предприняты, правда, не увенчавшиеся успехом попытки получить представительство в административных структурах и Ученом совете вуза. Правление университета почти на каждом заседании рассматривало прошения о предоставлении тех или иных помещений для проведения собраний различного рода организаций, в том числе студенческих.

Таковы были условия, когда обнаружили, по выражению Н.Я. Новомбергского, «давно не заживающие язвы юридического факультета» [2. 1917. 23 апр.].

16 марта группа из пяти профессоров юридического факультета, а именно П.А. Прокошева, С.П. Мокринского, Г.Г. Тельберга, С.И. Солнцева и Н.Н. Кравченко, обратилась с письмом к президиуму факультета. В нем декан П.И. Ляшенко обвинялся в нарушении порядка составления протоколов заседания факультета, «освещенного не только многолетней университетской практикой, но и являвшегося, очевидно, единственно вообще приемлемым во всяком учреждении». Дело в том, что на заседании факультета, состоявшемся 1 марта, не был, как принято, представлен протокол предыдущего заседания (от 8 февраля), и он, соответственно, не был заслушан с последующим внесением «поправок и дополнений» членами факультета. На следующем заседании, 8 марта, как подчеркивается в письме, «декан воспротивился настойчиво заявленному 5-ю нижеподписавшимися членами факультета желанию внести как в первый,

так и во второй проекты протоколов ряд существенных поправок». Отмечалось, что «при энергичной поддержке секретаря факультета профессора Новомбергского и, в особенности, члена Петроградского юридического факультета профессора фон Зелера» оба проекта без изменений были поставлены на голосование и в итоге подписаны 6 из 11 присутствовавших профессоров, т.е. большинством. Однако, учитывая, что К.-В. Ф. фон Зелер был, по сути, прикомандирован к факультету, правомерность этого решения группой из пяти профессоров оспаривалась [7. Л. 112–112 об.].

Юрист-романист, профессор по кафедре римского права фон Зелер 18 марта того же года по приказу министра народного просвещения А.А. Мануйлова был снят с должности профессора (вместе с фон Зелером увольнению подлежал и профессор Колоножников, хотя по другим сведениям, они подали в отставку добровольно и несколько позднее [8. Л. 36]). Уже в Петрограде, куда вслед за этим отправился профессор, он был арестован по подозрению в шпионаже в пользу Германии. Группа из пяти профессоров в одном из писем выражала недоумение, что студенты Томского университета ранее выступали за переизбрание К.-В. Ф. фон Зелера, «того Зелера, против которого еще недавно шумно протестовали студенты петроградские» [2. 1917. 18 апр.].

Речь шла о скандале вокруг персоны профессора, имевшего место после начала Первой мировой войны. Тогда он занимал должность ординарного профессора римского права Петроградского (Санкт-Петербургского) университета. Начало войны фон Зелер встретил на территории Германии, где тогда проходил лечение. Вскоре он вернулся в Россию и вновь приступил к своим обязанностям в университете. Однако шовинистические настроения первых месяцев войны и распространившиеся слухи о том, что в период работы в Берлинском университете (с 1901 г. был приват-доцентом, а с 1902 г. – экстраординарным профессором кафедры римского и германского гражданского права) фон Зелер принял германское гражданство, привели к тому, что после очередной лекции студенты устроили «обструкцию с криками “долой немцев из университета”» [5. С. 705]. После того, как эти сведения просочились в прессу, протесты против профессора расширились [9], что и привело к его вынужденному отъезду в Томск.

Выскажем мнение, что, присоединившись к данной критике профессора фон Зелера лишь потому, что последний, наряду с рядом других профессоров факультета, поддержал в данном конфликте декана П.И. Лященко, группа из пяти профессоров юридического факультета не делала себе чести. Тем более что вскоре после его ареста, в апреле 1917 г. он был освобожден. К тому же нельзя не отметить, что высокой оценки были удостоены профессиональные качества профессора, в том числе со стороны юристов Томского университета. Так, профессор по кафедре энциклопедии и истории философии права И.В. Михайловский отзывался о фон Зелере как о «выдающемся романисте». «Последнего профессора, – отмечал Михайловский, – успели уже оценить и в Томске как превосходного преподавателя, а утверждение авторов письма о том, что против Зелера “шумно

протестовали” петроградские студенты, совершенно неверно» [2. 1917. 23 апр.].

Возвращаясь к рассматриваемому письму, резюмируем, что декан был обвинен в нарушении «освященного обычая и юридически единственно допустимого порядка» составления протоколов, в игнорировании протеста по этому поводу со стороны пяти профессоров факультета, наконец, в том, что «созываемые деканом собрания совершенно утратили значение официальных заседаний». Весьма категорично звучит и заключение их письма: «В итоге мы, нижеподписавшиеся члены факультета, не можем не прийти к печальному выводу, что жизнь факультета как учреждения остановилась» [7. Л. 112 об.].

Данный «вердикт» выглядит весьма утрированными, а потому небезосновательно наводит на мысль, что за ним кроется нечто большее. Действительно, ранее, 13 февраля того же года, группой из пяти профессоров одновременно декану П.И. Лященко и секретарю Н.Я. Новомбергскому были посланы письма «с предложением: первому, чтобы он подал в отставку от должности декана, и второму, чтобы он сложил с себя обязанности секретаря факультета» [2. 1917. 18 апр.].

В письме, адресованном П.И. Лященко, последний уже тогда обвинялся в неумении проводить заседания факультета, которые редко проходили «вполне спокойно, не вызывая повышенного настроения»; в неспособности укрепить «товарищескую сплоченность факультетской корпорации», быть его «организующим центром»; в отсутствии авторитета в Совете университета. «Изыскивая средства к выходу из создавшегося положения, – подчеркивалось в письме, – мы, как бы ни расходились наши личные взгляды и убеждения по поводу тех или других общественных и академических вопросов, совершенно, однако, сходимся в том, что коренная причина царящей на факультете неурядицы лежит, во всяком случае, и прежде всего в Вас: Вы, как декан, безусловно, не обнаружили – таково наше глубокое убеждение, тех именно качеств и способностей, которые являются необходимым условием деятельности, связанной с занятием выборной административной должности в университете». И далее: «Мы не можем, конечно, ссылаясь на тот или другой пункт университетского устава, предъявить Вам формальное требование подчиниться настоящему предложению; но мы опираемся в данном случае не на букву закона, а на его разум и на добрые академические традиции» [8. Л. 68–68 об.].

Обратим внимание на то, что как в данном, так и в дальнейших письмах конкретных обвинений в адрес Лященко, по сути, не прозвучало. Изначально письма от 13 февраля, кроме упомянутых из пяти профессоров, были также подписаны профессорами Г.М. Колоножниковым и И.И. Аносовым. Однако на следующий же день они сняли свои подписи [Там же. Л. 60]. Данный шаг диктовался, в частности, и тем, что, по их мнению, «письмо к профессору Лященко носило субъективный характер» [Там же. Л. 30 об.], иными словами, было лишено тех самых конкретных обвинений. Заметим, что профессор Михайловский, на квартиру которого с предложением присоединиться к подписантам накануне пришли профессора Тельберг

и Кравченко, «прочитав первый абзац», сразу же отказался от этого [8. Л. 43].

Более объективным Колоножникову и Аносову представлялось письмо, адресованное секретарю факультета профессору Н.Я. Новомбергскому. Формально оно опиралось на имевшие место судебные приговоры профессору «в связи с клеветой». Поскольку вынесены они были после его избрания секретарем, Новомбергскому предлагалось сложить с себя эти обязанности и «подвергнуться вновь процедуре избрания на предмет выяснения отношения факультета к создавшемуся положению». На этот раз в письме прозвучали ультимативные интонации. «На это обращение наше, – подчеркивалось в нем, – мы ждем одного ответа – немедленной Вашей отставки от должности секретаря факультета, всякие же объяснения по данному принципиальному вопросу считаем совершенно бесполезными и бесплодными, почему заранее от них отказываемся... Считаем долгом предупредить Вас, что в случае неисполнения его Вами, мы сделаем данный вопрос достоянием широких общественных и академических кругов и возбудим его в установленном официальном порядке» [8. Л. 69–69 об.].

Однако немедленной отставки декана и секретаря не последовало, а профессор Новомбергский и вовсе посчитал себя оскорбленным тоном письма. В ответном послании он писал: «В самом предложении мы не нашли для себя ничего обидного. Лично я был оскорблен тем, что предложение, посланное мне, не носило академического характера и сопровождалось троякого рода угрозами... Здесь каждое слово небываемо характерно для авторов письма» [2. 1917. 23 апр.]. Новомбергский потребовал третейского суда за нанесенную обиду. «Группа 5-ти» отклонила данное требование, а несколько позднее сдержала свое обещание, и вскоре конфликт с подробностями вылился в газетную дискуссию, выставив на обозрение внутриуниверситетские коллизии.

18 марта П.И. Лященко и Н.Я. Новомбергский сложили с себя полномочия, соответственно, декана и секретаря [Там же. 18 апр.]. Студенты 4-го курса юридического факультета, выражая свою солидарность с уже бывшими деканом и секретарем, в знак протеста против действий пяти профессоров 19 марта объявили им бойкот. После сходки 20 марта «студенты всех курсов» «выразили им свое искреннее сожаление и глубочайшее сочувствие по этому поводу», о чем и было напечатано в ближайшем номере «Сибирской жизни» [Там же. 23 марта].

В апреле на страницах той же газеты появилось объявление за подписью студента С. Роговского, согласно которому студенты-юристы первых трех курсов присоединялись к объявленному пяти профессорами студентами 4-го курса бойкоту. В заключение было заявлено, что, после того как данное решение было принято на собрании (сходке) студентов 11 апреля, все студенты, в том числе «не присутствовавшие на собрании, безусловно, обязаны воздержаться от всякого с этими профессорами общения в пределах академической жизни» [Там же. 15 апр.].

Не замедлил себя ждать и ответ профессоров. Он был опубликован в одном из следующих номеров газеты. В нем они, как и подобает юристам, сослались на отсутствие кворума упомянутого собрания 11 апреля и в связи с этим признали его решение о бойкоте неправомерным. «Мы глубоко убеждены, – подчеркивалось в их коллективном письме, – что все это своеобразное “движение”, в целом и в частности, идет вразрез с настроением всего организованного и перестроенного студенчества в Томске». Позднее студент Попов подтвердил, что «кворума не было» и что вопрос о бойкоте вовсе «не обсуждался на общестуденческой сходке» [8. Л. 57 об.]. При этом та же «Сибирская жизнь» утверждала, что к бойкоту профессоров присоединилось «большинство студентов-юристов» [2. 1917. 23 апр.].

Протестующие студенты потребовали назначения на должность декана профессора Михайловского вместо вступившего в эту должность после отставки Лященко профессора П.А. Прокошева. По свидетельству «группы 5-ти», одно время студенты даже ходатайствовали за это перед попечителем, «т.е. перед такой властью, против вмешательства которой в академическую жизнь всегда протестовали вся прогрессивная профессура и сознательное студенчество» [Там же. 18 апр.]. Профессор Н.Я. Новомбергский обвинение студентов «в реакционности» посчитал оскорбительным, о чем и заявил в своем ответном письме [Там же. 23 апр.].

Перед читателями «Сибирской жизни» в те дни в серии открытых полемических писем предстала череда различного рода обвинений сторон конфликта по отношению друг к другу. Всего в апреле 1917 г. было напечатано два письма группы из пяти профессоров (в № 81 и 89) и по одному письму за подписью, соответственно, профессоров Н.Я. Новомбергского (в № 85) и И.В. Михайловского (в том же № 85). Тон и характер этой полемики были таковы, что уже в 85-м номере редакция заявила, что «больше не может давать место этому вопросу, особенно в силу иных требований текущего важного и сложного момента». В заявлении также подчеркивалось: «Из того, что у нас напечатано обеими сторонами, видно, что факультетская жизнь в университете расшатана, что там идет серьезный болезненный процесс, давно начавшийся» [Там же]. Однако редакция сделала исключение, и 18 апреля был напечатан ответ пяти профессоров на письмо Н.Я. Новомбергского. В нем они отвергли все предъявленные им обвинения. Другие письма за подписью профессоров Мокринского, Прокошева, Солнцева, Новомбергского и других были отклонены редакцией [Там же. 28 апр.].

Вскоре эти письма были приложены к материалам корпоративного судебного разбирательства. Для этого была создана академическая следственно-резолютивная комиссия. В ее состав вошли профессор-ботаник В.В. Сапожников и профессор-медик С.В. Лобанов, а также два представителя союза младших преподавателей (Г.И. Макаров и Н.И. Солодкин) и три представителя студенчества (Нижегородцев, Алексеев, Белкин) Томского университета. Председателем же был назначен «человек со сторо-

ны» – директор Томского технологического института профессор-механик И.И. Бобарыков.

По данным, представленным в отчете по результатам деятельности комиссии, всего состоялось 14 заседаний. Проходили они в мае–июне 1917 г., чаще всего в зале Совета университета. По итогам ее работы в отдельном документе было представлено заключение, или вердикт. Вместе с материалами, предъявленными сторонами в ходе суда, они «в количестве 58-ми номеров» были переданы ректору В.В. Сапожникову «для хранения в архиве университета» [2. 1917. 16 июня].

Эти материалы частично сохранились в личном деле профессора Н.Я. Новомбергского, хранящемся в Государственном архиве Томской области. В нем, в частности, содержится 29 писем, посланий, заявлений и объявлений. Из них четыре в незаконченном виде (без подписей и конечных листов). В части писем также не обнаружено отдельных фрагментов (пропущены листы). По всей видимости, ранее они были утрачены. К тому же при формировании и подшивке дела нарушена последовательность документов.

Вместе с письмами в деле содержатся протоколы семи заседаний следственно-резолютивной комиссии. Всего из них в полном виде имеется только четыре. Как следует из ранее представленных сведений, оставшиеся семь протоколов отсутствуют. Об этом косвенно свидетельствует и то, что в деле обнаружен отдельный лист [8. Л. 65], на котором излагается заключение комиссии за подписью ее председателя, членов и секретаря. Сравнение с опубликованной «после доклада ее Совету университета» в номере от 16 июня «Сибирской жизни» резолюцией (отчетом) показало, что данный документ, вероятней всего, является частью протокола последнего заседания комиссии, по которому и была составлена данная резолюция. Однако все остальные листы протокола отсутствуют, так же как и отдельные фрагменты записей других заседаний.

Заметим в связи с этим, что исследуемый конфликт уникален тем, что он оказался запечатлен в достаточно широком круге официально-деловой документации. Это значительно усиливает наши исследовательские возможности, поскольку, как отмечал А.В. Свешников, для научных сообществ в целом характерно ««вытеснение» конфликтов из поля саморефлексии», и источники личного происхождения, которые «в меньшей степени охвачены научным дискурсом» [4. С. 236–237], в силу безальтернативности становятся основным источником изучения университетско-академической конфликтологии. Однако, как нам удалось убедиться, в случае с историей противостояния на юридическом факультете Томского университета в 1917 г. письма дополняются и протоколами, резолюциями, заключениями специально созданной «конфликтной» комиссии.

Имеющиеся документы, таким образом, обладают информационным потенциалом для изучения рассматриваемого конфликта, реконструкции его основных вех, траектории развития и, что немаловажно, «закулисных» аспектов. Этот конфликт между профессорами юридического факультета интересен с точки зрения воссоздания этических взаимоотношений в среде про-

фессуры, моральной атмосферы в университетском сообществе тех лет, преломления университетских традиций на фоне революционного времени.

Свет на подоплеку рассматриваемых перипетий проливают следующие обстоятельства. Вернемся к вскользь упомянутому выше приговору, вынесенному в 1916 г. профессору Н.Я. Новомбергскому, по обвинению в клевете, который, как следует из письма от 13 февраля, стал своеобразным *casus belli*. «Ранее я ни на минуту не задумывался над тем, – отмечал Новомбергский, – что обвинительный приговор по моему делу (еще не вошедший даже в законную силу) может меня опорочить в глазах группы пяти».

Речь идет о двух уголовных делах, возбужденных еще в 1913 г. против профессора Н.Я. Новомбергского, по обвинению его томским присяжным поверенным М.Р. Бейлиным в клевете в печати, в том, что он выступил с обличительным выступлением, имея личную неприязнь, «под флагом общественных интересов». Сам профессор, будучи признанным оратором, на суде, во время своих длительных речей, которые порой с перерывами длились до 4 часов, отрицал свою вину, настаивая на том, что использованные им в печати сведения достоверны, и требовал «признать его действовавшим *bonafide* (добросовестно)». Несмотря на это местным окружным судом, по обоим делам, Новомбергский был признан виновным: за первое полагалось наказание в три дня ареста, за второе – в полтора месяца.

Первый приговор при этом был отменен еще в 1916 г. по решению выездной сессии Омской судебной палаты [2. 1916. 29 окт.]. Что касается второго, то для его обжалования Н.Я. Новомбергский обратился в Сенат. А свои услуги по составлению этой жалобы предложил ему не кто иной, как профессор Мокринский [Там же. 1917. 23 апр.]. Отметим также, что в первом процессе о клевете свидетелем со стороны Новомбергского выступал профессор Прокошев [Там же. 1916. 29 окт.]. Последний, по свидетельству того же Новомбергского, «публично в здании суда целовался с ним после оправдательного приговора и соболезновал после обвинительного» [Там же. 1917. 23 апр.]. Ни Мокринский, ни Прокошев во время очередного заседания следственно-резолютивной комиссии в 1917 г. не отрицали данных фактов. Профессор Тельберг при этом заявлял: «Он должен был задать вопрос факультету, остается ли доверие к нему непоколебленным. Но он этого не сделал. Уголовный приговор, кроме того, колеблет престиж факультета» [8. Л. 26–26 об.].

Уже в начале марта стало известно, что и второй приговор по решению Сената отменен. Вслед за этим 9 марта профессор П.А. Прокошев, «искренне радуясь» случившемуся, обратился с письмом к Новомбергскому, в котором, в числе прочего, заявил: «Ввиду сего прошу Вас считать мою подпись под указанным к Вам извещением потерявшей значение» [Там же. Л. 78]. Подразумевалось, конечно же, письмо от 13 февраля.

Все эти факты, кажется, небезосновательно вызывали у Н.Я. Новомбергского, который, к слову, был «убежден, что даже обвинительный приговор не порочит ни его, ни той высокой коллегии, к которой, как

профессор, он принадлежал», сомнения. В открытом письме, опубликованном в газете «Сибирская жизнь» 23 апреля, он предал гласности, что «П.А. Прокошев от имени всех пяти дважды вел с ним переговоры о том, чтобы он примкнул к их кампании против профессора Лященко как декана», и лишь после отказа Новомбергского вспомнил о его «уголовном прошлом». Однако данное обвинение профессором Прокошевым было опровергнуто, что заставляет и нас поставить знак вопроса над этой страницей «дела профессоров».

Так или иначе, мы имеем достаточно сведений, чтобы предположить в качестве главного объекта недовольства «группы 5-ти» именно профессора Лященко как декана юридического факультета. Чем же он вызвал подобный негатив со стороны пяти почтенных членов факультета? Как уже отмечалось, в письме от 13 февраля никаких конкретных и достаточно «веских» обвинений против П.И. Лященко они не предъявили. Вместо конкретики они и в апрельском письме в «Сибирской жизни» указывали лишь «на его неудачное и неумелое ведение факультетских дел» [2. 1917. 18 апр.].

Сам Лященко, «знавший атмосферу факультета», видел в обвинениях «личную, а не академическую подкладку» [8. Л. 45 об.]. В ходе процесса председатель И.И. Бобарыков попросил группу из пяти профессоров объяснить, «на каких основаниях предъявлены обвинения Лященко». На это профессор Мокринский рассказал присутствовавшим об обстоятельствах избрания профессора П.И. Лященко, на тот момент самого молодого профессора на факультете, декана. По его словам, все остальные кандидаты отказались от должности, а потому, опасаясь назначения декана министром народного просвещения Л.А. Касо, как известно, не пользовавшегося в академических кругах популярностью, выбор остановился на Лященко, о чем в дальнейшем сам Мокринский сожалел. «Декан оказался неумелым, — отмечал он. — Главное, на что мы указали, это неумелость и неавторитетность декана» [Там же. Л. 45 об., 46].

В числе прочего, нового декана обвиняли в нарушении сроков объявления конкурса на замещение кафедр, в отклонении просьбы профессора Солнцева в августе 1916 г. внести в повестку очередного заседания вопрос о переизбрании президиума факультета, отсутствии авторитета среди членов факультета (это проявилось, в частности, в безответности на оскорбления профессора Новомбергского в адрес декана во время частного совещания государственной комиссии в октябре 1915 г.), все в том же нарушении порядка составления протоколов и т.д.

Любопытен и ответ на эти, — признаем, кажущиеся весьма незначительными — обвинения самого П.И. Лященко. В нем он поведал комиссии, что на момент избрания его деканом члены факультета «к профессору Прокошеву как к возможному декану относились отрицательно». Предложенная же Лященко, который, судя по всему, активно не стремился занять эту должность, кандидатура Мокринского отпала за нежеланием последнего. П.И. Лященко объяснял это следующим образом: «Не желая занимать должность,

профессор Мокринский желал руководить факультетом. Кравченко раньше говорил, что Мокринский оседлал меня... Профессор Мокринский желал оказывать безответственное влияние» [Там же. Л. 52 об.]. Схожей точки зрения на вопрос придерживался и Н.Я. Новомбергский: «Казалось бы, что молодой декан будет идти в поводу у старейших членов факультета. Случилось иначе» [2. 1917. 23 апр.].

Для дальнейшего прояснения вопроса о скрытых аспектах исследуемого конфликта обратимся к наблюдениям, принадлежащим Н.Я. Новомбергскому. Прежде повторим, что в должность декана профессор Лященко вступил при тяжелом кадровом положении факультета, которое сохранялось на протяжении нескольких лет. Главной причиной того, что надежды Мокринского и ряда других профессоров факультета относительно Лященко не оправдались, Новомбергский видел в том, что декан проявил большую активность по замещению кафедр. Дело в том, что тот же профессор Мокринский на протяжении достаточно длительного периода замещал обе кафедры уголовного права и судопроизводства. И хотя сам Мокринский утверждал, что «не был никогда против приглашения 2-го криминалиста» (при этом отмечал, что уголовное право было поставлено им «на надлежащую высоту» [8. Л. 54]), Новомбергский предполагал, что он «желал оставить за собою две кафедры навсегда» [2. 1917. 23 апр.].

Недоумение Новомбергского вызывал и тот факт, что кафедра римского права была занята профессором Прокошевым — «человеком с богословским образованием вместо юридического» [Там же], который к тому же в 1915 г. «был назначен председателем государственной испытательной комиссии» [8. Л. 47]. П.А. Прокошев действительно являлся выпускником Казанской духовной академии, имел степень магистра богословия, а позднее защитил диссертацию на степень доктора церковного права, которая, к слову, была удостоена высоких отзывов как в России, так и за рубежом [1. С. 199–200]. Сам профессор отрицал обвинения Новомбергского, заметив однажды, что в период подготовки к профессорскому званию в Казанском университете он работал под руководством юриста-романиста профессора Н.П. Боголепова и во время стажировки в Берлине также «изучал римское право» [8. Л. 47 об.].

В подтверждение того, что два вышеуказанных профессора желали сохранить статус-кво, Новомбергский привел случай с приглашением на кафедру римского права в Томск приват-доцента Казанского университета В.Ф. Глушкова, кандидатура которого была одобрена факультетом и Советом. Но, по словам Новомбергского, в результате «противодействия профессора Прокошева» Глушков отказался приехать в Томск [2. 1917. 23 апр.]. Сам Прокошев оправдывался тем, что «возражал против Глушкова ввиду того, что никаких работ у Глушкова нет». Он сослался и на то, что взамен им была предложена другая кандидатура, что именно по его инициативе был «найден талант Охочимского», выпускника юридического факультета Томского университета, которому была поручена кафедра догмы римского права [8. Л. 48]. В связи с поиском новых кандидатур на вакантные кафедры фа-

культета также отмечалось, что однажды перед чтением пробной лекции одного приват-доцента «группа профессоров при крайней нетерпимости к мнению противников демонстративно покинула заседание факультета, чем причинила обиду лицу ни в чем неповинному и далекому от столкновений на факультете» [2. 1917. 16 июня].

В качестве отступления заметим, что к материалам дела было приложено и не одобренное деканом требование профессора Солнцева провести перевыборы руководства факультета. Случилось это в августе 1916 г. и было приурочено к принятию закона «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских Российских университетов и Демидовского юридического лица, а также доцентов Императорских Варшавского и Юрьевского университетов и названного лица и об изменениях некоторых постановлений устава Императорских Российских университетов» от 3 июля того же года [10. Л. 119 об.–123 об.].

По версии Новомбергского, Солнцев во время заседания факультета 27 августа того года поставил вопрос о переизбрании декана и секретаря, связав это с новым законом в том смысле, что «содержание декана и секретаря значительно увеличивается и вследствие этого на повышенное содержание можно ожидать других кандидатов» [2. 1917. 23 апр.]. На заседании следственно-резолютивной комиссии Солнцев утверждал, что данная цитата искажает смысл его слов [8. Л. 33]. Впрочем, комиссии так и не удалось с «полной точностью выяснить подлинный текст заявления профессора Солнцева, так как редакция записи в протоколе оспаривалась им, хотя и подтверждалась некоторыми членами факультета». При этом было признано, что «из содержания закона 3 июля не вытекало предложение профессора Солнцева, даже если присвоить закону самое широкое толкование» [2. 1917. 16 июня]. Сам Лященко весьма остроумно заметил по этому поводу: «Не было никаких оснований поднимать вопрос о переизбрании ни с юридической, ни с моральной стороны... Никаких прений после заявления профессора Солнцева на заседании факультета не было, а слова “ввиду новых окладов можно ожидать других кандидатов” подтверждают мысль, что на старый оклад мог идти только никуда не годный декан» [8. Л. 34 об.].

Все же закон, который вступил в силу с 1 января 1917 г., наложил значительный отпечаток на материальную сторону жизни профессоров. Согласно этому закону содержание ординарного профессора увеличивалось с 5 до 6 тыс. руб., улучшалось материальное положение молодых ученых и вместе с тем отменялась установленная для ученых учреждений и учебных заведений особая плата (гонорар) со студентов и посторонних слушателей университетов в пользу отдельных преподавателей (за лекции и научное руководство). Последняя мера коснулась в основном преподавателей юридических факультетов, которые в связи со значительным количеством студентов ранее получали наибольшие гонорары. Историк М.М. Богословский в связи с этим 24 июня 1916 г. заметил в своих дневниках: «Прошли наконец законы... о прибавке жалованья профессорам. Воображаю, как

повесили носы наши юристы перед перспективой лишения десяти двенадцатитысячных гонораров с 1-го января» [11. С. 105–106, 274–275].

Все вышесказанное актуализирует предположения профессора Новомбергского, выдвинутые на основе обобщения вышеприведенных фактов. Он писал по этому поводу: «Я далек от мысли, что профессора Мокринский и Прокошев старались задержать за собою чтение по вакантным кафедрам потому, что это давало им лишних 1½–2 тыс. руб. в год. Может быть, они действительно были “проникнуты желанием оздоровить факультетскую жизнь”. Я только не могу с ними согласиться, что профессор Лященко “неумелый и неудачный” декан. Не забываю, что профессора Мокринский и Прокошев оканчивают полный срок профессорской службы. И, конечно, охотно вместе с ними допускаю, что “неумелость” декана Лященко могла бы помешать им остаться на кафедрах сверх срока» [2. 1917. 23 апр.].

Констатируем, что тон этих «весьма неприятных» обвинений во многом был обусловлен полемической эмоциональностью. Вместе с тем нельзя не заметить, что сформулированы они безупречно, и ни одна инстанция не осудила бы профессора за сказанное, на что он, как опытный газетный полемист, видимо, и рассчитывал. При этом заметим, что «материальная подоплека» рассматриваемого конфликта не может быть снята со счетов, потому как подтверждается не только обвинением Новомбергского, но и рядом выше представленных косвенных фактов.

Приведем еще один пример, иллюстрирующий материально-финансовое измерение конфликта. Важным источником дополнительного заработка в революционный 1917 г. и в военные годы в целом были так называемые вознаграждения за руководство кабинетами, клиниками и вспомогательными учебными заведениями. «Право на дополнительное вознаграждение за заведование учебно-вспомогательными учреждениями» в размере от 600 до 1 200 руб. было предусмотрено и законом от 3 июля [10. Л. 123]. Так, 20 февраля 1917 г. по прошению ректора университета Грамматикати за руководство юридическим кабинетом профессору Н.Я. Новомбергскому было выдано вознаграждение в размере 600 руб. Еще в ноябре 1916 г. декан Лященко ходатайствовал перед Советом университета о необходимости улучшения положения кабинета и «подразделении его на 4 отделения: историко-юридическое, статистико-экономическое, римского права и публичного права, находившиеся каждое в заведовании профессоров, представителей соответствующих дисциплин» [12. Л. 2, 13], что в перспективе давало дополнительные доходы для членов факультета.

Высокая инфляция, рост цен, постоянная необходимость дополнительных расходов, – таков фон того бурного, но непростого в житейском плане времени [13]. Данный аспект отчасти проливает свет и на предмет нашего исследования.

Между тем на заседаниях следственно-резолютивной комиссии сторонами выдвигались и другие обвинения. Немаловажное место среди них занимал вопрос о том, кто же первый из профессоров решился

привлечь на свою сторону студентов в данном противостоянии.

В письме от имени группы из пяти профессоров, опубликованном в «Сибирской жизни» за 18 апреля 1917 г., содержались следующие слова: «Когда наступили величайшие исторические события, мы под впечатлением их совершенно отложили в сторону факультетские вопросы; но те, кто чувствовали себя “тяжко обиженными”, не последовали этому примеру, — и нам, далеким от мысли втягивать студентов в профессорский конфликт, пришлось вскоре с горечью убедиться, что некоторым студенческим группам этот конфликт не только известен, но и представлен им в одностороннем и тенденциозном освещении».

Под «тяжко оскорбленным», разумеется, подразумевался профессор Новомбергский. Последний в своем ответном послании парировал, что вскоре после предложения со стороны «группы 5-ти» подать ему в отставку о нем «стало известно и ректору и министерству, узнали студенты, заговорили городские обыватели». «Ясно, — продолжал Новомбергский, — что была приведена в исполнение угроза: “Данный вопрос сделать достоянием широких общественных и академических кругов и возбудить его в установленном порядке”». И далее: «Не мешало бы еще и припомнить, что задолго до разговоров со студентами профессора Новомбергского профессор Прокошев дважды в аудитории старался втянуть студентов первого курса в этот конфликт. При этом получил жестокий урок со стороны одного первокурсника» [2. 1917. 23 апр.].

Кто же первый вовлек студентов в конфликт? На основании материалов протоколов заседаний следственно-резолютивной комиссии, писем и показаний профессоров и студентов юридического факультета данный аспект удалось реконструировать следующим образом. По сведениям профессора Прокошева, спустя 7 дней после отправки писем с просьбой об отставке П.И. Лященко и Н.Я. Новомбергскому, т.е. 20 февраля 1917 г., к нему домой пришли студенты 4-го курса А.П. Ломидзе и Л.И. Карнаушевский. Сам профессор, по его словам, «не знал, откуда студенты получили все сведения об инциденте», подозревая в этом профессора Лященко и Новомбергского [8. Л. 30]. Известно, что дом последнего всегда был открыт для студентов, а сам профессор пользовался популярностью, на основании чего мы и можем предположить, что еще до беседы с П.А. Прокошевым, они могли узнать первые подробности об инциденте от Н.Я. Новомбергского. Спустя некоторое время разговор профессора Прокошева со студентами 1-го курса на эту тему возобновился.

По показаниям самого Н.Я. Новомбергского, студенты приходили к нему «спустя дней 7 или 10 после отсылки письма группой пяти» (20–23 февраля). Они прочли ему проект своего обращения к профессорам. При этом Новомбергский подчеркнул: «Как видно, студенты-юристы предполагали обратиться к профессорам на основании “упорных слухов”... В присутствии профессора Лященко я им сказал, что обращение нахожу деликатным, но собираюсь воздержаться от него и предоставить это дело профессорам». По просьбе профессора студенты временно «воздержались от вмешательства в

конфликт» [8. Л. 31–31 об.]. Приблизительно в те же дни состоялся и разговор студентов с П.И. Лященко (неизвестно до или после разговора с Прокошевым), где он «объяснил студентам, что ему было брошено обвинение в подлоге» [Там же. Л. 29 об.].

Опираясь на «слухи», студенты-юристы подготовили петицию к профессорам. В нем прозвучали предостерегающие и примиряющие интонации. В частности, в ней отмечалось: «Мы вовсе далеки от вмешательства в Ваши личные отношения между собой — это не наше дело и Ваша свобода в этом отношении для нас непререкаема... Мы надеемся, что Вы преклонитесь пред нашим credo... чтобы не случилось то, чего мы так основательно опасаемся... Употребите старшие профессора всю свою опытность и выдержку, а младшие — свою молодость, которая должна использовать неправду и не допустить ужасной развязки... Именем науки, именем родины, именем Ваших заветов умоляем Вас: не гасите огонь, но поддерживайте его» [8. Л. 79–79 об.].

Однако данное достаточно патетичное по своему содержанию обращение студентов к профессорам эффекта не возымело. Вскоре изменился и настрой подавляющей части студенчества. Незадолго до объявления бойкота 19 марта учащиеся 4-го курса организовали встречи с представителями «группы 5-ти». Они требовали от них согласия на третейский суд, предложенный Новомбергским в ответ на «оскорбительное по форме» письмо от 13 февраля. Профессор Солнцев отказался от ответа [Там же. Л. 38].

В квартире профессора Мокринского студентом Чумняковым была оставлена записка, на которой он позднее письменно подтвердил постановление студенческой сходки от 18 марта об объявлении бойкота. Сам профессор, по его же словам, в тот момент был в отъезде, не дав при этом «отрицательного ответа о третейском суде» («В тайну сходки, — подчеркивал он, — они меня не посвятили») [Там же]. Хотя, по свидетельству профессора Аносова, встреча с делегатами была, и профессор Мокринский «обошелся с ними грубо» [8. Л. 42 об.].

18 марта к профессору Тельбергу также пришел студенческий делегат, который позднее «поразил его ярко тенденциозной осведомленностью и категоричностью требований». Речь, по всей видимости, шла о том, что информацию о конфликте студенты получали от П.И. Лященко и Н.Я. Новомбергского, а потому заведомо были настроены против пяти профессоров. В ответ на предъявленное требование Г.Г. Тельберг заявил: «Если профессор Новомбергский сложит полномочия секретаря, мы обсудим вопрос о третейском суде» [Там же. Л. 43–43 об.].

Профессор Кравченко, ссылаясь на занятость (готовился к предстоящему докладу в общественном совете), вовсе отказался от встречи со студентами, аргументировав это тем, что «профессорам принадлежит автономия, и инцидент профессоров и ликвидация его принадлежит им же», призвав «не вмешиваться в этот конфликт» [Там же. 39 об.]. При этом он заметил, что к тому времени студентам уже были известны подробности этого инцидента.

Судя по всему, о подробностях дела студентам поведал Н.Я. Новомбергский. 18 марта в университет-

ской аудитории в разговоре со студентами 4-го курса он озвучил выдержки из писем, полученных им и профессором Лященко от «группы 5-ти», а также ответы на эти письма. В одном из них, принадлежащих перу П.И. Лященко, последний назвал «академические интересы группы 5 профессоров “случайным маскарадом”» [2. 1917. 16 июня]. Отмечается, что обнародованы были и письма профессоров Михайловского, фон Зелера, Аносова [8. Л. 6]. 19 мая в ходе заседания следственно-резолютивной комиссии Новомбергский признал факт того, что он передал письма студентам. Любопытна и представленная и мотивировка этого своего шага: «Так как они ему заявили, что эти документы принадлежат академической корпорации вообще» [Там же. Л. 39 об.]. Студент Попов отмечал, что на сходке 11 апреля зачитывались выдержки из протоколов заседаний факультета и различные письма [Там же. Л. 58].

При этом нельзя не упомянуть, что и другая сторона конфликта также делилась подробностями происходящего со студентами. Так, по показаниям студента 3-го курса А.П. Новицкого, профессор Солнцев на одной из своих лекций высказался «относительно всего инцидента», а также «сообщил текст письма к Новомбергскому и Лященко, указывал на то, что два профессора не сочли нужным поставить вопрос о доверии, когда им выразили недоверие» [Там же. 58 об.]. Новицкий так и не вспомнил, когда состоялась эта лекция, – до или после бойкота. Однако в другом источнике отмечалось, что, «по удостоверению студента Новицкого и самого профессора Солнцева», это было 21 марта [Там же. Л. 9], т.е. после объявления бойкота. На допросе студент не подтвердил эти сведения.

Несмотря на противоречивые показания участников процесса, комиссия в итоге пришла к выводу, что «конфликт перекинулся в студенческую среду» сначала через профессора Прокошева, а затем – Новомбергского и Солнцева. В резолюции говорилось: «Еще до оставления профессором Лященко должности декана профессор Прокошев обещал студентам не принимать должности декана без их, студентов, согласия, но потом, после объявления бойкота, принял эту должность. Комиссия не может не признать, что данное профессором Прокошевым обещание едва ли вызывалось необходимостью, но раз оно было дано, то следовало бы с этим считаться» [2. 1917. 16 июня].

Как уже отмечалось, в день объявления бойкота Прокошев занял должность и.о. декана по просьбе ректора Грамматикати как «старший член» факультета (в то время существовала такая традиция). Михайловский, предложенный на эту должность студентами, еще ранее отказался от нее добровольно, отметив, что к административной работе «он совсем не пригоден» [Там же. 23 апр.].

20 марта состоялась встреча нового декана со студентами. На ней Прокошеву было предложено «подписать бумагу, в содержание которой входило, что он в академическом вопросе поступил неэтично». Не дождавшись его ответа, они вновь «вынесли ему бойкот» [8. 40 об.].

Ближайшее собрание факультета поддержало своим решением новую кандидатуру декана. 22 марта

Лященко передал ему дела, озвучив свое намерение сохранить за собой место председателя государственной экзаменационной комиссии. Напомним, что в тот момент близились выпускные экзамены для студентов 4-го курса. Однако вскоре был получен циркуляр министерства народного просвещения, согласно которому место председателя комиссии передавалось и.о. декана П.А. Прокошеву. По версии Н.Я. Новомбергского, до этого Прокошев сам отправил письмо министру, в котором «просил выяснения своего положения в испытательной комиссии и введения туда профессора Солнцева» [8. Л. 39]. Факт отправки этого письма подтвердил и и.о. ректора профессор В.Н. Саввин, подчеркнув при этом, что Прокошев сделал это «без его ведома» [Там же. Л. 44].

Еще до этого, 29 марта в присутствии профессора Аносова состоялось «объяснение» Н.Я. Новомбергского со студентами. На протяжении двух часов он «убеждал их снять бойкот». Своеобразный компромисс был достигнут. Постановлением студенческой сходки в тот же день было решено «экзаменоваться с молчаливым бойкотом Мокринского, пока профессор Лященко оставался председателем испытательной комиссии». Отмечается, что студенты с просьбой об этом дважды отправили телеграмму министру [Там же. Л. 39]. В качестве ответа они получили выше означенное распоряжение.

Как бы то ни было, данное решение оказалось критическим и вызвало незамедлительную реакцию студентов выпускного курса. «На Пасхе, – вспоминал В.Н. Саввин, – получилась телеграмма об изменении состава государственной комиссии, и это внесло возбуждение в среду студенчества» [Там же. Л. 44]. Четвертый курс студентов-юристов в полном составе (всего 63 человека) отказался сдавать государственный экзамен в Томском университете [2. 1917. 23 апр.].

О радикальном настрое значительной части студенчества свидетельствует и тот факт, что многие из них в знак протеста против «группы 5-ти» отказались от участия в заседаниях следственно-резолютивной комиссии. Подобные решения с их стороны были озвучены на заседаниях 13 и 21 мая (из сохранившихся протоколов). В первый раз студенты 4-го курса заявили «об отрицательном отношении этих студентов к работам следственной комиссии», а позднее отказались «от дачи свидетельских показаний» [8. Л. 24 об., 45]. Более того, одним из студентов утверждалось, что «у них работала своя комиссия, которая все выяснила» [2. 1917. 16 июня]. Комиссия в ответ на это в итоговой резолюции вынесла свою оценку. «Такое уклонение, – отмечалось в ней, – мало понятное со стороны коллегальности, как бы подсказывалось желанием студентов поставить себя в привилегированное положение, а свою деятельность – вне общественного контроля. Это уклонение было тем более странным, что следственная комиссия была построена из представителей всех трех коллегий университета и имела своей исключительной целью выяснение истины» [Там же].

Отметим, что в конце августа все же было объявлено, «что осенняя сессия комиссии 1917 года продлится с 1 сентября по 1 декабря». По все видимости, часть студентов воспользовалась этой возможностью, ведь со

2-го сентября и.о. декана стал Н.Я. Новомбергский. В газетном объявлении указывалось, что прошения об экзаменах «в исключительных случаях» принимались и после 2 сентября [2. 1917. 25 авг.].

В ходе процесса прозвучало еще немало обвинений профессоров в адрес друг друга. Так, профессор Тельберг сетовал на то, что Н.Я. Новомбергский однажды применил в его адрес выражение «желторотый мальчишка», что, по его мнению, «уместно слышать на базарной площади, но не на заседании, хотя и частном, факультета» [8. Л. 57]. Профессора Солнцева упрекнули в напечатании его монографии вне очереди в ущерб интересам Новомбергского [Там же. Л. 25 об.], что было подтверждено комиссией [2. 1917. 16 июня]. Исполняющего обязанности ректора В.Н. Саввина уличили в том, что по настоянию профессоров М.Г. Курлова, Г.Г. Тельберга и Н.Я. Новомбергского при составлении протокола заседания Совета университета 28 марта в него не были включены «все прения по вопросу о ликвидации недоразумений между профессорами-юристами» [8. Л. 18, 19, 71], а также во вскрытии «тайной частной корреспонденции» и т.д.

Обратимся к заключительным вердиктам следственно-резолютивной комиссии. Признавалось, что отказом от третейского суда после послания писем от 13 февраля «группой 5-ти», как и самой формой письма, «было нанесено оскорбление проф. Новомбергскому», также как и профессору Лященко. По отношению к последнему были применены несправедливые обвинения в подлоге документации. В свою очередь, и Лященко с Новомбергским, по мнению комиссии, проявили «непредусмотрительность», «не испросив доверия факультета» (т.е. не сложив с себя обязанности, соответственно, ректора и секретаря) после предъявленных «со стороны почти половины факультета» обвинений.

Что касается последнего заключения комиссии, то отметим, что те «предъявленные обвинения» в конечном итоге не были оправданы (приговор Новомбергского был отменен Сенатом, а по-настоящему веские причины для отставки с поста декана Лященко, по сути, предъявлены не были). Есть основания судить, что рассмотренный конфликт в основе своей имел скрытые, «закулисные» мотивы, связанные с личной неприязнью, амбициями отдельных членов факультета, наконец, с финансовыми вопросами. Все это очерчено границами того, что, используя терминологию П. Бурдье применительно к академической конфликтологии, можно назвать борьбой за «символический капитал». Добавим, что в дореволюционных научных сообществах Российской империи данный тип конфликтов нередко имел место и подчас был «связан с образованием новых институций» [4. С. 234, 253]. Как видим, эта борьба приоткрыла изнанку жизненного мира университетской корпорации университета.

Выяснилось, что жизнь юридического факультета Томского университета в тот период «протекала со значительными трениями», дойдя в конце концов «до болезненной разрухи». Обсуждения вопросов замещения вакантных кафедр, крайне актуальные на тот момент, «проходили часто при резких столкновениях

между членами факультета», «резкость отношений доходила до того, что некоторые члены факультета по целым годам не подавали друг другу руки», «некоторые профессора по целым полугодиям не посещали заседания факультета и, следовательно, не выполняли своей служебной обязанности». «Вот та тяжелая атмосфера, – подчеркивалось в резолюции комиссии, – на почве которой при отсутствии склонности к уступчивости и соглашению у заинтересованных сторон конфликт между двумя группами профессоров разросся до таких размеров, что его не могли ни потушить, ни ослабить ни деятельное вмешательство Совета университета, ни мощная волна новой жизни, призывающая всех сознательных граждан бросить свои взаимные распри и принести свой труд на созидательное творчество в обновленной стране» [2. 1917. 16 июня].

Приобретенные в результате Февральской революции гражданские свободы, которые, несомненно, значительной частью населения России воспринимались как великое достижение, для крупнейшей академической корпорации Сибири обернулись сомнительной возможностью поднять на поверхность старые обиды, антипатии и обвинения, воплотившись в этой не самой достойной странице истории университета.

Для профессора П.И. Лященко случившееся стало поводом изменить траекторию своего дальнейшего жизненного пути. Возвращаясь к началу настоящей статьи, вновь повторим, что летом 1917 г. он покинул Томск. Студенты, среди значительной части которых он пользовался уважением и доверием, в те дни подготавливали адрес, в котором были следующие слова: «В вашем лице сочетались: гражданин и профессор... Вместе с вами вступив под своды Томского университета, мы были свидетелями вашей деятельности в качестве декана и профессора. На посту декана вы стояли всегда на страже студенческих интересов, вы были близки и доступны нам, вы были нашим старшим товарищем, – и время вашего деканства не изгладится из нашей памяти. Всеми силами поднимая престиж и авторитет юридического факультета, вы встретили сопротивление тех, кому это было и невыгодно, и ненужно... Теперь, провожая вас, мы, ваши ученики, желаем вам всего лучшего на светлом пути служения науке и обновленной родине» [Там же. 22 июня].

Впереди П.И. Лященко ждала карьера почтенного и заслуженного ученого. В начале 1920-х гг. он стал инициатором открытия и первым ректором Донского университета. В 1926 г. был назначен профессором Института красной профессуры в Москве, позднее – старшим научным сотрудником Института АН СССР (1935) и Комакадемии (1936). Одновременно являлся профессором Московского университета. В 1943 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1949 – удостоен Сталинской премии за фундаментальный труд в двух томах «История народного хозяйства СССР» [1. С. 158].

Революция и Гражданская война наложили отпечаток на судьбы других героев статьи. Некоторые из них выступили на стороне Всероссийского правительства А.В. Колчака. С.П. Мокринский в 1919 г. избирался в члены Восточного отдела ЦК партии

народной свободы, ранее был гласным Томской городской думы. П.А. Прокошев при Правительстве Колчака занимал должность главноуправляющего по делам вероисповеданий. Г.Г. Тельберг после переворота 18 ноября 1918 г. указом Верховного правителя России был назначен Главноуправляющим делами Верховного правителя и Совета министров, сенатором Правительствующего Сената, а со 2 мая 1919 г. – министром юстиции. Во Временном Сибирском правительстве Н.Я. Новомбергский назначался товарищем министра туземных дел, а во Всероссийском правительстве – товарищем министра внутренних дел.

Вскоре после восстановления советской власти в Томске в декабре 1919 г. все они были уволены из университета и на время подверглись аресту и заключению. Над бывшими колчаковскими министрами был устроен суд. Сам юридический факультет Томского университета был преобразован в правовое отделение созданного в марте 1920 г. факультета общественных наук (в 1921 г. он был закрыт).

Еще в 1917 г. профессора Н.Н. Кравченко и С.И. Солнцев также уехали из Томска. Первый был сначала переведен в Казанский университет, а в 1920–1928 гг. работал профессором Саратовского университета, позднее – в 1-м Московском государственном университете. С.И. Солнцев с 1917 г. преподавал в Новороссийском (Одесском) университете (в 1920 г. был ректором этого вуза), позднее – в вузах Ленинграда и Москвы. В 1929 г. избран действительным членом АН СССР [1. С. 243–244].

Н.Я. Новомбергский после окончания Гражданской войны продолжал преподавательскую деятельность, жил и работал в разных городах СССР (умер в Архангельске в 1949 г.). Как окончился жизненный путь С.П. Мокринского (установлено, что в 1920–1921 гг. он работал на факультете общественных наук Саратовского университета) и П.А. Прокошева, неизвестно [1. С. 169, 201].

Что касается профессора Г.Г. Тельберга, то в 1920–1930-х гг. он жил в Китае, после Второй мировой войны переехал в США. Был профессором юридического факультета Харбинского политехнического института, преподавал в Высшем японском коммерческом колледже в Циндао, а затем в Американской Академии.

В эмиграции прошлое неожиданным образом напомнило о себе. В Китае профессор Тельберг неод-

нократно встречался с бывшим студентом юридического факультета Томского университета Л.В. Арнольдовым (учился в нем в 1916–1918 гг.). В памяти последнего также запечатлелся эпизод с конфликтом на юридическом факультете. В своих мемуарах Арнольдов вспоминал о нем: «Мы даже “бунтик” небольшой устроили против профессоров Мокринского, Прокошева, Тельберга, Солнцева и еще кого-то, кажется, Н.Ив. Кравченко [Н.Н. Кравченко. – *Прим. авт.*]. Бунтовали “на академической почве” студенты выпускного курса. Мы, с других курсов, им помогали, “поддерживали”... Бунт и зародился, собственно, в недрах совета факультета, среди профессуры. Отсюда он был переброшен в студенческую массу, где, разумеется, охотно был поддержан». И далее: «Но всякий раз, встречаясь теперь летом на отдыхе в Циндао с почтенным, заслуженным и так мною любимым и уважаемым профессором Г.Г. Тельбергом (который все-таки провалил меня на первом же зачете по истории русского права перед всей аудиторией), я с неприятным осадком думаю теперь, как мы тогда были болезненно-легко возбудимы и как легко было нас увлечь на что угодно» [14. С. 62–63].

В заключение отметим, что образ профессора, особенно в обществе, не лишенном признаков традиционного, как в России начала XX в., непременно был окружен возвышающим ореолом. Служитель науки воспринимался не только как ученый, но и как гражданин, некий образец нравственности и показатель должного поведения. Рассмотренный эпизод в истории университетской корпорации г. Томска отчасти развенчивает это стереотипное представление, показывая изнанку жизни, скрытую повседневность университетской корпорации г. Томска.

То, что произошло весной–летом 1917 г. на юридическом факультете, с одной стороны, свидетельствует о негативных тенденциях в развитии томского научного сообщества в эпоху революционных событий. С другой стороны, нельзя не заметить и иную сторону этой истории. Научный микросоциум г. Томска тогда продемонстрировал потенциал по саморегуляции внутреннего морально-этического климата, образовав независимую судебную комиссию из числа авторитетных, в том числе и в нравственном плане, профессоров, что, несомненно, отражает процесс формирования корпоративного самосознания местного научного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I: 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. 288 с.
2. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск.
3. Беляева О.М. Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Грима: конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 215–235.
4. Свешников А.В. «Вот вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, Г.К. Садретдинова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. Вып. 1. С. 228–258.
5. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.
6. Дневники студента П.А. Леонова, 1917 // Музей истории ТГУ.
7. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 731.
8. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1061.
9. Зелер, Карл-Вильгельм Фридрихович // Электронная энциклопедия ТГУ. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Зелер_Карл-Вильгельм_Фридрихович (дата обращения: 15.08.2017).
10. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 649.

11. Богословский М.М. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного исторического музея. М. : Время, 2011. 423 с.
12. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3290.
13. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Повседневная жизнь университетского сообщества г. Томска в период революционных событий 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 160–170.
14. Арнольд Л.В. Жизнь и революция. Шанхай : Книгоиздательство А.П. Малык и В.П. Камкина, 1935. 278 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 октября 2017 г.

THE ETHIC OF RELATIONSHIPS IN THE UNIVERSITY CORPORATION OF TOMSK: A CASE STUDY OF THE CONFLICT AT THE FACULTY OF LAW OF TOMSK UNIVERSITY DURING THE SPRING AND SUMMER OF 1917

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 180–191.

DOI: 10.17223/15617793/426/22

Aleksey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Sergey A. Nekrylov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Keywords: Tomsk University; professors; students; conflict; ethic of relations; Russian Revolution of 1917.

The causes, course and consequences of the conflict of professors of the Faculty of Law of Tomsk University in the spring and summer of 1917 are reconstructed on the materials of archival documents, periodical press and sources of personal origin in the article. The “revolutionary” social context in which the conditions for its emergence matured is considered. It is the acquisition of autonomy by the university, the consequent weakening of control over the university life by Rector I.N. Grammatikati, who, in addition, was sick in 1917, trustee of the West Siberian educational district N.I. Tikhomirov, the revitalization of the university corporation in general and the students in particular, who then fought for the right to take part in the life and management of the university. The main participants of the confrontation at the Faculty of Law are represented, their mutual relations are characterized. Among them were the Dean of the Faculty, Professor of Economics P.I. Lyashchenko, Secretary Professor N.Ya. Novombergsky, against whom the accusations were made by professors of the Faculty S.P. Mokrynsky, P.A. Prokoshev, N.N. Kravchenko, G.G. Telberg and S.I. Solntsev. The causes and hidden motives of the confrontation are analyzed. It is concluded that they were mainly connected not so much with the academic component as with personal antipathies, the professional ambitions of individual professors, and also with the financial aspect. The attitude of university students towards this conflict and attempts to resolve it are considered. The work of the investigative and resolution committee under the chairmanship of the Director of the Tomsk Technological Institute, Professor I.I. Bobarykov, formed specifically to eliminate this conflict is described. It is summarized that the resolution passed by the committee by the results of 14 meetings generally reflected the vicissitudes of the conflict and the ways of its solution. It is concluded that the scientific community of Tomsk of that period, despite the negative tendencies manifested during the conflict within the professorial corporation, could use a self-regulation mechanism to maintain a normal moral and ethical climate. In conclusion, the fates of the main participants in the conflict are traced.

REFERENCES

1. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. A biographical dictionary]. Is. I: 1888–1917. Tomsk: Tomsk State University.
2. *Sibirskaya zhizn'*.
3. Belyaeva, O.M. (2011) Akademicheskoe soobshchestvo Peterburgskogo universiteta v rektorstvo E.D. Grima: konflikty v professorskoy srede [Academic community of St. Petersburg University under the rectorship of E.D. Grim: conflicts in the professorial environment]. *Dialog so vremenem*. 34. pp. 215–235.
4. Sveshnikov, A.V. (2005) “Vot vam istoriya nashey istorii”. K probleme tipologii nauchnykh skandalov vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [“Here is the history of our history.” To the problem of the typology of scientific scandals of the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Korzun, V.P. & Sadretidinov, G.K. (eds) *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik* [The world of the historian: a historiographical collection]. Is. 1. Omsk: Omsk State University.
5. Rostovtsev, E.A. (2017) *Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast'* (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The Metropolitan University of the Russian Empire: the academic estate, society and power (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: ROSSPEN.
6. TSU Museum of History. (1917) *Dnevnik studenta P.A. Leonova* [Diaries of student P.A. Leonov].
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 731. (In Russian).
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 1061. (In Russian).
9. TSU Electronic Encyclopedia. (n.d.) *Zeler, Karl-Vil'gel'm Fridrikhovich*. [Online] Available from: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Zeler,_Karl-Vil'gel'm_Fridrikhovich. (In Russian). (Accessed: 15.08.2017).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 649. (In Russian).
11. Bogoslovskiy, M.M. (2011) *Dnevnik. 1913–1919: Iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [The Diaries. 1913–1919: From the collection of the State Historical Museum]. Moscow: Vremya.
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 2. File 3290. (In Russian).
13. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2017) The daily life of the university community of Tomsk during the revolutionary events of 1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 416. pp. 160–170. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/416/24
14. Arnol'dov, L.V. (1935) *Zhizn' i revolyutsiya* [Life and revolution]. Shanghai: Knigoizdatel'stvo A.P. Malyk i V.P. Kamkina.

Received: 26 October 2017